

СОЦИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КУРСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД. ПРОБЛЕМА ГОЛОДА

© 2016 О. Н. Аргунов

*аспирант кафедры истории России
e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматриваются влияние и роль засухи и голода 1946–1947 гг. на жизнь селян в послевоенный период и на процесс восстановления сельского хозяйства Курской области в целом. Автор впервые вводит в научный оборот широкий круг архивных источников, показывающий особенности социально-хозяйственного развития курской деревни в первые годы после окончания Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Курская область, сельское хозяйство, послевоенное время, голод, засуха, звеньевая система, «Сталинская помощь».

Великая Отечественная война внесла коренные изменения в хозяйственную жизнь курской деревни, став огромным испытанием не только для советских граждан, но и для социалистического сельского хозяйства в целом. Наибольшие потери понесло сельское хозяйство Курской области, которая на протяжении большей части войны находилась в зоне активных боевых действий. Общий урон аграрной отрасли региона, по оценкам исследователя Е.М. Поляковой, составил 10 799 157 000 руб. [Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 37. Л. 27; Полякова 1967: 223]. Поэтому главной задачей не только для руководства Курской области, но и для большинства её жителей стало восстановление разрушенного войной сельского хозяйства региона.

Восстановление аграрной отрасли области началось уже в военный период, достигнув определенных количественных и качественных успехов (посевные площади расширились до 1 495 000 га – 61,9 % по отношению к 1940 г., уровень механизации работ составил 48,0 % от довоенного и др. [Аргунов 2014: 24]), но самыми тяжелыми оказались именно первые послевоенные годы. Засуха 1946 г., поразившая обширные территории союзных республик, срывала попытки решения плана восстановления хозяйства в ходе первой послевоенной пятилетки. Над страной, и над Курской областью в частности, нависла угроза голода.

В настоящее время проблемы голода нет, но еще 60 лет назад она была объективной реальностью для большинства населения страны. Это было вызвано тем, что сельскому хозяйству в годы войны уделялось недостаточно внимания со стороны партийных и государственных властей, и хотя капиталовложений в данную отрасль с каждым годом становилось все больше [История социалистической экономики... 1978: 399], восстановление по основным показателям шло медленными темпами. Это объяснялось целым рядом объективных и субъективных причин:

1) сокращение трудовых ресурсов в курской деревне: к 1948 г. (более ранних сведений найти не удалось) в сельской местности проживало 2 126 023 человека, или 79,2 % от деревенского населения области в 1939 г. [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 136. Л. 33–34], что свидетельствует о значительной убыли рабочей силы;

2) недостаточное количество и физический износ сельскохозяйственной техники, что приводило к значительному увеличению доли ручного труда. В 1945 г. из убранных 1 262,4 тыс. га зерновых, комбайнами убрано было 59,9 тыс. га, или 4,7 %; уборочными

машинами – 80 тыс. га, или 6,4 %; вручную и конными молотилками – 1 122,5 тыс. га, или 88,9 %, причем около половины работ было проведено на коровах колхозников [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 50. Л. 123 об.];

3) незаинтересованность колхозников в результатах своего труда: например, в 1945 г. на трудодни выдавали крайне мало продуктов питания и денег. В частности, зерна в среднем по области было выдано на трудодень 308 грамм [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 268. Л. 72], а в ряде районов в разы меньше: в Свободинском в среднем – 87 грамм, Верхне-Любавском – 77 грамм [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 273. Л. 85], что негативно отражалось на трудовой дисциплине. Так, за 1945 г. минимума трудодней в курских колхозах не выполнили 107 376 человек, или 25,4 % от всего числа трудоспособных колхозников [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 10. Л. 10], что, наряду с недостатком механической и живой тягловой силы, привело к увеличению общей трудовой нагрузки на каждого трудоспособного работника в 1,7 раза по сравнению с предвоенными годами [Вербицкая 1992: 22–23];

4) малые объемы материальной и финансовой помощи, оказываемые государством региону в исследуемые годы: за всю четвертую пятилетку в сельское хозяйство было вложено лишь 4 405 тыс. руб. [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 100. Л. 33].

Подобное невнимание к проблемам сельского хозяйства серьезно отразилось на судьбе крестьян в засушливый 1946 г.

Если у советских авторов (в угоду идеологической политике государства), а также части современных отечественных и зарубежных авторов чаще всего упоминаются только засуха и неурожай [Погребинский 1964: 208; Полякова 1967: 223; Советское крестьянство... 1973: 182; Верт Н. 1994: 332; Он же 2010: 364 и др.] в первые послевоенные годы, то большинство современных исследователей уже напрямую пишут о голоде в исследуемое двухлетие [Волков 1991; Он же 2000; Зима 1994; Никонов 1995; Кондрашин 1996 и др.]. При оценке причин голода преобладают две точки зрения, предложенные В.Ф. Зимой и И.М. Волковым. В.Ф. Зимой голод рассматривается как «преднамеренный, рукотворный, сознательно организованный правительством для осуществления своих политических целей и умирения народа» (см.: [Волков 2000: 116]).

Полностью противоположной точки зрения придерживается И.М. Волков. Он проводит мысль о том, что голод был следствием целого ряда причин, влиявших на сельское хозяйство страны того периода времени; преобладающее же значение имели объективные причины: «В первый послевоенный год колхозы и совхозы не могли противопоставить засухе такой комплекс мер, который бы не допустил ее пагубного влияния. Ослабленные войной колхозы... не могли соблюдать многие самые необходимые требования агротехники» [Волков 1991: 4]. Однако ученый не исключает и субъективный фактор: «Сказывались не только объективные причины, но и все более утрачивающееся колхозниками хозяйское отношение к земле, практически бесплатная работа на колхозных полях за пустой трудодень в течение ряда лет. Отчуждению крестьянина от земли способствовала административно-командная система управления колхозами, установившаяся во время коллективизации» [Там же: 5].

По нашему мнению, истинные причины голода 1946–1947 гг. в Курской области кроются преимущественно в объективных причинах, о чём свидетельствуют следующие обстоятельства.

1. По данным, имеющимся в источниках, уже в апреле 1946 г. начали проявляться симптомы надвигающегося бедствия: погода была крайне неустойчивая, практически не было дождей, а по ночам температура нередко опускалась до -6°C . Май же, наоборот, выдался очень тёплым и не менее засушливым. В июне стоял постоянный зной, а первые обильные дождевые осадки стали выпадать лишь в третьей декаде месяца [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 268. Л. 112–116], и это при том, что зимой 1946–1947 г.

практически не было снега, из-за чего произошло вымерзание озимых культур [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 50. Л. 123].

2. Сельскохозяйственная отрасль Курской области все еще не успела оправиться от последствий страшной войны. Как уже упоминалось выше, не хватало тракторов [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 100. Л. 48], комбайнов и прочей техники. Помимо этого, был недостаток и живой тягловой силы (к 1946 г. на курских полях работало только 33 тыс. лошадей, или 16,2 % от довоенного числа [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 64. Л. 39 об.]) и пр.

3. Хронически не хватало семян всех видов культур, в первую очередь зерновых (в 1945 г. – 55,2 % [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112. Л. 97]); восполняется недостаток за счет государственной семенной ссуды (было взято 297,5 тыс. ц семян зерновых, или 31,0 % от общей потребности к весеннему севу [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112. Л. 97]) и закупок у самих колхозников [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1. Л. 83]). Отсюда и невыполнение плана сева яровых зерновых культур в 1946 г.: было засеяно 1 291,4 тыс. га, что составило 88,8 % к плану [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112. Л. 6].

Но необходимо иметь в виду и ряд субъективных факторов, которые зависели от областного, районного и колхозного руководства и прежде всего от самих колхозников. Во-первых, бесхозяйственное отношение районных и колхозных руководителей и крестьян к колхозным работам. Так, например, в результате весенней проверки ряда колхозов области, был обнаружен необмолоченный урожай 1944–1945 гг. с площади 324 га, из них урожай с 32 га сожжен, а остальной погнил и уничтожен мышами [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1. Л. 85]. В то же время и сами колхозники не стремились более качественно выполнять работу, а многие и вовсе не выходили на работу (всего за период полевых работ не выполнили минимума трудодней 171 067 колхозников [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 10. Л. 10]). Подобная ситуация была и с использованием техники МТС, когда тракторный парк простаивал и колхозникам приходилось выполнять работы либо вручную, либо на живом тягле [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112. Л. 96 об.]. Поэтому был серьезно затянут весенний сев (в большинстве хозяйств области он продолжался до третьей декады июня [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112. Л. 97 об.]), что из-за раннего созревания зерновых культур (на 15–20 дней раньше срока) [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 59. Л. 16] еще более усугубляло сложившуюся обстановку.

Во-вторых, перегибы, допущенные руководством районов и области во время хлебозаготовительной кампании. И хотя план хлебозаготовок был снижен в 3 раза по сравнению с 1945 г. [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 5. Л. 331], не сдали государству 12 061 т зерна [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 358. Л. 88], что заставило, например, в Прохоровском районе прибегнуть к насильственному изъятию хлеба у колхозников и единоличников [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 5. Л. 354].

В совокупности эти факторы дали крайне плачевный результат: в результате засухи погибло 123 469 га зерновых [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112. Л. 102], валовая продукция зерновых культур по колхозам сократилась с 9 257 180 ц до 1 199 000 ц, по сахарной свекле – с 488 400 ц до 147 400 ц, по картофелю – с 1 952 00 ц до 421 200 ц. Урожайность в среднем по колхозам составила: по зерновым – 2,7 ц с га (в среднем по СССР – 4,6 ц с га [Советское крестьянство... 1973: 396]), по сахарной свекле – 20 ц с га, по картофелю – 26 ц с га [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112. Л. 6]. Из-за этого в 1946 г. колхозникам практически не было выдано зерна на трудодни: только в 967 колхозах, или 19,0 %, произвели выдачу зерна, причем в очень небольших количествах (на одного едока не более 16 кг). В шести районах области распределения зерна и каких-либо других продуктов не производилось ни по одному колхозу [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 423. Л. 22, 28]. С засыпкой семян дела обстояли не лучше: при плане 962 тыс. ц семян, на 1 февраля 1947 г. было засыпано только 242,65 тыс. ц, или 25,2 % [Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112. Л. 111], а в некоторых районах обстановка была намного хуже: в Обоянском

районе имелось 1 690 ц (8,0 % от необходимого объема), в Большесолдатском – 1 685 ц (10,0 %) [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 10. Л. 33].

Подобная картина состояния дел в Курской области заставила партийное и советское руководство страны прибегнуть к ряду мероприятий по оказанию помощи переживающему стихийное бедствие региону. 23 июня 1946 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О мерах помощи колхозам, колхозникам и совхозам Курской области в связи с неблагоприятными видами на урожай», по которому региону выделялось 4 040 000 пудов хлеба, в виде продовольственной ссуды [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 59. Л. 22]. В народе она получила наименование «Сталинской помощи», которая уже во второй половине июля начала распределяться между колхозниками [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 72. Л. 24, 107, 109–110], что противоречит утверждению исследователя В.В. Кондрашина о том, что «государственная поддержка российских крестьян во время голода всегда запаздывала по срокам» [Кондрашин 1996: 123].

Но при этом имелись и некоторые недочеты при распределении продовольственной ссуды: основная часть помощи шла отстающим хозяйствам, что вызывало недовольство в передовых колхозах [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 595. Л. 19].

Однако стоит обратить внимание на один факт: если суммировать «Сталинскую помощь» и то небольшое количество зерна, которое было выдано колхозникам на трудодни в 1946 г., то этого выданного зерна будет на порядок больше, чем в 1945 г., что признавал первый секретарь Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронин [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 59. Л. 22]. Но в 1945 г. голода не было. Это объясняется прежде всего тем, что в 1945 г. приусадебные участки дали сравнительно неплохой урожай, обеспечивший колхозников продуктами питания. Следовательно, можно сделать вывод – основным источником питания для курских крестьян было их подсобное хозяйство.

Оказание данной помощи проявилось в трудовом подъеме, который произошел во второй половине лета 1946 г. в деревне (так, если в Солнцевском районе до поступления «Сталинской помощи» 16 июля на работы выходило не более 6–7 тыс. человек в день, то после – 10–11 тыс. человек [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 270. Л. 28–29]). Уже во время осеннего сева курские колхозники показали примеры героического труда: с 25 июля по 10 октября [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 266. Л. 26] 1946 г. было посеяно 713 тыс. га озимых зерновых, что на 106 тыс. га больше, чем в 1945 г. [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 64. Л. 361]. За зиму снегозадержание было произведено на площади более 2 млн га [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 585. Л. 16]. Но это был задел под будущий урожай 1947 г., а между тем к концу декабря 1946 г. у колхозников стали заканчиваться продукты питания.

В Государственном архиве общественно-политической истории Курской области сохранилось несколько десятков справок о положении дел в районах, к примеру, выдержки из справки о бедственном положении некоторых семей в селах Томаровка и Кусты Томаровского района:

«Семья матери-героини Свищевой, имеется живущих с нею 9 человек детей. Семья выработала более 1 000 трудодней. Ссуды ими получено 3 центнера, со своего огорода собрали 10 мешков картофеля, хлеба не имеют около месяца. Основное питание – столовая свекла. Дети истощены, кожный покров бледный, значительное понижение подкожной жировой клетчатки, пастозность»;

«Назина Пелагея Васильевна, семья погибшего фронтовика, 5 человек детей. Ссуду получила 8 пудов. Хлеба и картофеля нет около месяца. Питаются жмыхом, купленным на рынке. Дети ослаблены и пастозны, мальчик Толя 6 лет имеет более выраженную пастозность» [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 422. Л. 12].

Председатель Старооскольского исполкома писал, что к концу января 1947 г. сильно упала трудовая дисциплина в колхозах, в связи с ухудшением питания в районе

[Ф. П-1. Оп. 2. Д. 422. Л. 14]. С каждым днем все меньше людей выходили на работы, а нуждающихся в хлебе становилось все больше. Так, с 1 марта по 10 апреля 1947 г. число нуждающихся выросло с 296 724 до 502 427 человек [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 422. Л. 34, 72].

Зимой 1946–1947 гг. увеличился отток населения из районов области: так, в Ракитянском районе было зарегистрировано более 250 случаев выездов колхозников целыми семьями, всего 1082 человека. Многие уезжали, продавая свои дома, некоторые оставляли в них детей. В Солдатском сельском совете 7 родителей таким путем оставили 19 детей, а 6 семей в этом же сельсовете привели в колхоз 21 ребенка, бросили их, а сами уехали [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 423. Л. 16–16 об.]. Некоторые примеры жестокости находятся за рамками понимания: «гражданин Кулешев Михаил Михайлович вместе со своей женой выехали в другую область, а своего ребенка 11 месяцев оставили в доме, где он погиб» [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 423 Л. 1]. Всего на 30 апреля 1947 г. по области такими, с позволения сказать, «родителями» было брошено 809 детей [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 422. Л. 106], большинство из которых умерли голодной смертью или замерзли.

Также в области были отмечены десятки случаев каннибализма, когда люди от безысходности, мучаясь от голода, ели своих малолетних детей. Из специального донесения по Ракитянскому району на 8 марта 1947 г.: «2 марта 1947 г. колхозница колхоза “1 мая” Сафонова-Касторная лишила жизни своего сына 9 лет и труп его употребила в пищу»; «гражданка Кисленко подозревается в убийстве своей матери и племянницы и в связи с этим была арестована. После ареста ее оставалось четверо детей, один из них убил своего брата 6 лет, отрезал у трупа руку, употребил ее в пищу» [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 423. Л. 1].

О катастрофическом положении в курских деревнях можно судить также по динамике смертности в области за период с января по март 1947 г.: в январе 1947 г. умерло 2 314 человек, в феврале – 2 990, в марте – 4 376 человек [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 422. Л. 101, 106].

Однако весной 1947 г. положение в селе стало улучшаться. Во-первых, сказались хорошие агроклиматические условия в начале 1947 г.. Во-вторых, по просьбе Курского обкома ВКП(б) было выделено из государственных резервов дополнительно 2 500 тыс. пудов зерна для посевов [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 423. Л. 23]. Хорошие всходы дали озимые культуры. Это положительно влияло на настроения колхозников.

Весенний сев проходил в максимально сжатые сроки, чему способствовала хорошая погода: к 5 июня он был полностью закончен [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 581. Л. 7–7 об.]. В общем итоге, за 1947 г. посевная площадь была увеличена на 257 тыс. га [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 419. Л. 3] и составила 1 688 тыс. га [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 581. Л. 8 об.]. Средняя урожайность была около 8,9 ц с га [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 581. Л. 7–7 об.]. Удалось обеспечить не только собственные нужды, но и сдать государству 9 700 тыс. пудов хлеба [Ф. П-1. Оп. 2. Д. 418. Л. 25], тем самым практически полностью были возвращены все долги прошлых лет.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что проблема голода, его природы и последствий в курской деревне в послевоенные годы находится в стадии разработки и требует всестороннего исторического анализа. Тем не менее сведения, полученные из архивных источников, позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, голод 1946–1947 гг. имел в основе объективные причины, но не стоит забывать роль и субъективных факторов, среди которых главными являлись нерадивое отношение к общественному хозяйству и материальная незаинтересованность колхозников в результатах своего труда. Во-вторых, основным источником продовольствия в курской деревне являлся подсобный участок. В большей степени из-за неурожая на хозяйских

огородах в деревне разразился страшный голод. В-третьих, вопреки расхожему мнению об игнорировании руководством страны проблем сельского хозяйства, государство оказало посильную, пусть и недостаточную, помощь курскому селу в особенно тяжелые периоды засухи и голода. На взгляд автора, именно последствия голода стали одной из основных причин долгого восстановления сельского хозяйства региона – вплоть до середины 1950-х гг.

Библиографический список

Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3272 (Областная плановая комиссия исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся). Оп. 2. Д. 50, 100, 112, 136.

ГАКО. Ф. Р-3605 (Курская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям при исполнительном комитете Курского областного Совета депутатов трудящихся). Оп. 1. Д. 37.

Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-1 (Курский областной комитет ВКП(б)). Оп. 2. Д. 1, 5, 10, 59, 64, 72, 266, 268, 270, 273, 358, 418, 419, 422, 423, 581, 585, 595.

Аргунов О.Н. Опыт восстановления сельского хозяйства Курской области (февраль 1943 – декабрь 1945 гг.) // Студенческий потенциал в исторической науке: материалы студ. науч. конф. (10–12 декабря 2013 г.) / отв. ред. И.А. Конорева; Курск: Курск. гос. ун-т., 2014. С. 20–25.

Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву: Середина 40-х – начало 60-х годов. М.: Наука, 1992. 224 с.

Верт Н. История советского государства, 1900–1991. М.: Прогресс-Академия, 1994. 643 с.

Верт Н. Террор и беспорядок: сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 444 с.

Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115–124.

Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 9–19.

Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50 годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109–125.

История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945. М.: Экономиздат, 1978. 565 с.

История СССР: С древнейших времен до наших дней: в 12 т. Т. 11. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945–1961 гг. М.: Наука, 1973. 653 с.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 573 с.

Кондрашин В.В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) / отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. М.: РОССПЭН, 1996. С. 115–123.

Погребинский А.П., Мотылев В.Е., Пажитникова Т.К. и др. История народного хозяйства СССР (1917–1963 гг.). М.: Высш шк, 1964. 288 с.

Полякова Е.М. Восстановление и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Курской области (1943–1958 гг.) // Развитие советского села в период строительства коммунизма: материалы конф. вузов Центр.-Чернозем. зоны / отв. ред. К.Т. Котляренко. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. С. 222–225.

Советское крестьянство: Краткий очерк истории (1917–1970) / под ред. В.П. Данилова. М.: Политиздат, 1973. 592 с.